

«Я ВВЕЛ ДЛЯ СЕБЯ ПРАВИЛО – СТАВИТЬ ПЕРЕД СОБОЙ СВЕРХЗАДАЧУ...»

(четыре беседы члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Данилова
с академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым)

«I HAVE INTRODUCED A RULE – TO SET MYSELF A SUPER TASK...»

(four conversations between corresponding member
of the National Academy of Sciences of Belarus A. N. Danilov
and academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov)

Евгений Михайлович Бабосов – признанный лидер белорусских гуманитариев, своими трудами внесший большой личный вклад в развитие философии, социологии и гуманитарных наук в целом. Его работы в области теории познания, социальной философии, теории, методологии и истории социологии, социологии религии, науки, образования стали классическими и широко используются в учебном процессе.

Евгений Михайлович не просто символ, образец ученого – он активно работающий исследователь, автор большого числа первоклассных научных трудов и учебников, создатель и почетный директор Института социологии НАН Беларуси, подготовивший не одно поколение высокопрофессиональных специалистов, которые трудятся в научных и образовательных учреждениях как Беларуси, так и других стран. Ученый создал целое научное философско-социополитическое направление в науке, которое назвал научной школой человекомерности социального, научного и технологического развития социального бытия. Достижения современных белорусских гуманитариев в значительной степени определены и его деятельностью.

В беседах с главным редактором журнала Евгений Михайлович поделился своими успехами и неудачами, переживаниями, впечатлениями о прожитом, достижениями учеников, рассказал об исследуемых проблемах.

Беседа первая. Выбор

– Евгений Михайлович, в Вашей жизни бывало многое, и хорошее, и плохое, случались взлеты и падения, обретения и потери. Вы, видимо, не раз стояли перед выбором. Вы выбирали свой жизненный путь или Вас вела судьба?

– Действительно, человек всегда, почти каждый день стоит перед выбором, решая, что делать, куда пойти, с кем общаться, поэтому каждому приходится многократно на протяжении жизни делать выбор дальнейшего пути. И если взрослеющий юноша, выпускник средней школы, серьезно и осмысленно относится к своей начинающейся взрослой, самостоятельной жизни, то, как правило, он не надеется на то, что судьба подскажет ему дальнейший путь, а сам определяет его, сам выковывает свою судьбу. Конечно, многие молодые люди при выборе жизненной траектории проходят через сомнения, колебания, ждут подсказки родителей, друзей. Когда я размышлял, чем заняться после окончания школы, каким путем шагать во взрослой жизни, я тоже с этим столкнулся. С одной стороны, меня увлекала физика, ее удивительные успехи, с другой – влекли к себе гуманитарные знания: классическая художественная литература, политика, философия... Я тогда, конечно же, еще не был знаком с произведениями знаменитого французского писателя и философа Ж.-П. Сартра, который высказал замечательную мысль: «Человек сам несет в себе свой

жизненный проект. Но интуитивно предугадывает такой вариант выбора своей судьбы». В конце концов я сделал свой выбор – поступил в БГУ, а в нем в качестве будущей профессии определил философию. И теперь, спустя много лет, я ни разу не разочаровался в этом решении и ощущаю себя в родном доме в трех навсегда близких моему сердцу местах – в семье, в которой меня вырастили и воспитали отец и мать, в средней школе № 3 г. Минска, где я до сих пор бываю почти ежегодно, и на философском факультете БГУ.

– Обладая мощной харизмой, лидерским характером, безусловно талантом, Вы в любой сфере достигли бы многого. Почему все же наука, почему философия, почему социология?

– Что касается таланта, то общепринято считать, что 90 % его составляет упорный, кропотливый, систематический труд, а все остальное – развитие способностей, происходящее, естественно, в процессе труда. Я с трех лет пристрастился к чтению, читал с удовольствием разную литературу – сначала сказки и рассказы для детей, затем приключенческие романы, исторические книги, прежде всего про полководцев – Македонского, Цезаря, Ганнибала, Наполеона, Суворова, Кутузова, маршалов Советского Союза Жукова, Рокоссовского и др. Постепенно выбирал серии книг по тематике,

жанрам: скажем, читал все, что можно было найти про полководцев, ученых – Ньютона, Эйнштейна, Менделеева, Павлова; все, что захватывает в чтении фантастики, – Жюль Верна, Ивана Ефремова, Рэя Брэдбери, Айзека Азимова и др. Переход к чтению книг определенными сериями – это уже зарождение систематизации, составляющей один из первоочередных этапов складывающегося научного мышления. Одновременно с этим увлечение и занятия спортом (в старших классах школы и студенческие годы), особенно теми видами, в которых решающую роль играет скорость (бег, стрельба, футбол и др.), приучили меня высоко ценить время и максимально эффективно его использовать, без чего науки не бывает. А вот здесь передо мной возникла проблема: что мне ближе, интереснее – физика или философия? В итоге умственные колебания разрешились в пользу философии, а затем, в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному, вполне естественным и логичным представляется переход к социологии.

– Судьба родителей, их мнение для Вас было важным или жизнь несла сама и чужие ошибки никак не тормозили?

– На формирование личности, особенно в раннем детстве, мощное влияние оказывает судьба родителей. Первые три с половиной года своей жизни я рос и развивался в Москве при неусыпном внимании родителей. Отец мой, Михаил Михайлович Бабосов, в то время был студентом-старшекурсником Тимирязевской сельскохозяйственной академии и, как секретарь факультетской комсомольской организации (я потомственный комсорг), получил в студенческом общежитии на Лиственничной аллее небольшую комнатку, в которой помещались только стол, кровать и два стула. Один из этих стульев и был оборудован в качестве моей первой в жизни кровати. Мама, Анастасия Никифоровна, работала инструктором женсовета Московского городского совета, которым в те годы руководил Н. А. Булганин, в последующем предсовмин СССР. Одним словом, мне посчастливилось воспитываться в интеллигентной семье, где читали много книг, бывали в замечательных театрах и пели прекрасные советские песни. Все это, разумеется, впитывалось мной с младенчества и оставило в моем мировосприятии неизгладимый след. А в конце 1934 г. отца распределили на работу в Борисовский район Минской области, где его, 29-летнего молодого человека, назначили директором зооветеринарного техникума в Старо-Борисове. Мама стала работать заведующим библиотекой этого учебного заведения. Детского сада там не было. В три с половиной года я научился читать и с тех пор ни на один день

не расстаюсь с книгой. Так что могу без колебаний сказать, что интеллигентная семья моих родителей (хотя отец был родом из крестьянской, а мама – из рабочей семьи) предопределила основную траекторию моей судьбы.

– Времена не бывают легкими. Вам выпало жить в оккупированном Минске, захватили еще сталинские порядки, хрущевскую оттепель, брежневский период, эпоху перестройки. Что это за времена для жизни, работы, самоутверждения?

– Мое беззаботное детство внезапно прервалось с началом Великой Отечественной войны. Меня, десятилетнего мальчишку, до глубины души потрясло то, каким образом и в какое время начиналась эта война. Я тогда занимался в хоровом кружке Дворца пионеров и школьников, хотя еще и не входил в эту детскую организацию. И вот ярким, солнечным июньским днем моя мама собирается отправить меня на занятия кружка, и вдруг за 2 мин до 12 ч дня раздается тревожный бархатно-железный голос знаменитого диктора Левитана: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Сейчас с чрезвычайным заявлением выступит председатель Совета Министров СССР Вячеслав Михайлович Молотов». И раздается чуть глуховатый, как бы надтреснутый голос: «Товарищи, сегодня, 22 июня 1941 г., в 4 ч утра на всем протяжении западной границы нашей страны германские войска, вопреки всем договоренностям, атаковали наши вооруженные силы». И дальше Молотов говорит, что война будет жестокой, но завершает свою речь очень твердым заверением: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!» Такая уверенность жила в советском народе на протяжении всей войны, в том числе и в первые, самые горестные и трудные полгода. Мой отец работал тогда в Минском обкоме партии, находился в командировке, вернулся из нее только на третий день войны, и мы, наскоро собравшись, помчались к одному из последних (может быть, и последнему) эшелону, устремившемуся из Минска на восток. Вагоны были плотно набиты людьми. Но вскоре, где-то в районе ст. Смоленичи, наш эшелон был атакован фашистским фронтовым бомбардировщиком «Фокке-Вульф FW-190», в результате чего паровоз и первые три вагона свалились на бок. Погибли многие, в том числе дети, женщины и старики. Эта жуткая картина потом долго снилась мне в кошмарных снах. Мы выбрались из своего вагона, вышли на старую Смоленскую дорогу, и отец добровольно вступил в состав быстро отступающего взвода красноармейцев, получил от комвзвода пистолет. Эта горстка бойцов устремилась в сторону Борисова, Могилёва. Дополнительного комплекта

обмундирования во взводе не было, поэтому отец как был в темно-синем костюме, так и пошел со взводом красноармейцев в ряду, замыкающем отступавшую небольшую колонну. У меня до сих пор стоит перед глазами эта картина: быстро шагающая группа воинов в выгоревших гимнастерках и отчетливо выделяющийся на их фоне человек в темно-синем костюме – мой отец. Почему я так подробно говорю об этом? Да потому, что эти события круто перевернули мое мировосприятие – сформировали у меня глубокое и непреклонное уважение к нашему воину. И всю войну меня сопровождали два глубочайших чувства – ожидание (вернется или не вернется отец) и неутолимый голод. Поэтому понятно, что для меня самым большим праздником с детства был и остается день всенародного ликования наших людей – 3 июля, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, День независимости Республики Беларусь.

Сталинские порядки давали о себе знать почти в каждой советской семье. У отца с матерью за кроватью стояла небольшая котомочка с нехитрыми съестными припасами, и каждый раз, когда среди ночи за окном тормозил автомобиль, отец спрашивал: «А где наша котомка?» Слава богу, она не понадобилась. Когда Сталин умер, страна пережила очередное потрясение: многим казалось, что мир рухнул.

Наступившая хрущевская оттепель была причудливым сплетением светлых и темных красок. С одной стороны, советским людям приоткрылись ворота для выезда в западные страны, но с другой – непродуманный раскол партийных органов нарушил промышленную и сельскохозяйственную целостность и единство народно-хозяйственного комплекса страны, что резко затормозило социально-экономическое развитие. А чего стоили грубые, некомпетентные окрики руководителя партии и правительства в адрес художников и поэтов на выставке в московском Манеже? Некоторые мои одноклассники, мечтавшие профессионально служить в армии, вследствие скоропалительного сокращения Вооруженных сил СССР на 1 млн 200 тыс. человек, оказались выброшенными на обочину. Их судьба в дальнейшем сложилась непросто. Многие прошли через переучивание, а это совсем не просто. Лишь двое сумели закончить новые вузы, защитить кандидатские диссертации, а для остальных стремления и надежды резко разошлись с действительностью.

Брежневский период для большинства советских людей был относительно спокойным и благополучным. Сменившая его горбачевская перестройка своих целей не достигла, народ назвал ее «горбостройка». Она изуродовала страну, обернулась для людей пустыми полками магазинов, талонами на

продукты, стремительным ростом цен, начавшейся коррозией социализма и всего социалистического мирового лагеря. Лидеры ряда европейских социалистических стран – ГДР, Чехословакии, Румынии – откровенно называли М. С. Горбачева предателем, а бывший председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков убедительно утверждал, говоря о перестройке: «Мы выбрали неверный путь».

Все эти перемены и трудности имели важное значение для жизни нашего народа и, естественно, для моей работы и личностного самоутверждения. Я пришел к убеждению в необходимости перехода от абстрактных философских рассуждений, которые преобладали в те годы в вузовском преподавании и публикуемых трудах обществоведов, к более конкретному социологическому пониманию и истолкованию окружающей реальности, разумеется базирующемуся на научной философии.

– Как-то Вы признавались в любви к своей Грушевке (микрорайон Минска), где прошли Ваше детство и юность...

– Конечно же, невозможно не любить того места, где прошли твоё детство и юность, где находятся любимая школа и еще более любимый университет, где живут друзья детства (их было много, но два самых верных даны мне судьбой на всю жизнь, а дружбу я с ними неразлучно с пятого класса, с 1944 г.), где весной нежно торжествуют белые цвета яблонь и возвышающиеся над ними в розовато-белом цветении груши (отсюда и название микрорайона – Грушевка), благоухает вечно светлая жизнь, где возникает первая настоящая любовь (она также оставалась со мной навсегда, хотя увлечения, безусловно, на протяжении жизни бывали, от них никуда не уйдешь).

Отдельно следует сказать о комсомоле. В годы отрочества в школе я был отличником, но не паймальчиком, часто оказывался заводилой не всегда благовидных начинаний. Однако мудрый директор школы Абрам Шаевич Клебанов (широко известный в Грушевке вплоть до нашего времени как легендарный Шайба) усмотрел в моем избыточном активизме черты комсомольского вожака и неожиданно для всех, особенно для меня самого, предложил на школьном комсомольском собрании избрать меня секретарем комсомольской организации, и это секретарство продлилось целых три года. А затем, уже в БГУ, меня последовательно избирали комсоргом курса, факультета, а потом в течение трех с половиной лет я работал секретарем комитета комсомола родного университета. В это время мне приходилось организовывать различные политические, социокультурные, спортивные молодежные мероприятия и активно в них участвовать. Два раза я избирался делегатом съездов ВЛКСМ, которые тогда проходи-

ли в Большом Кремлевском дворце, и нескольких съездов белорусского комсомола. В 1956 г. мне было поручено возглавить первый в Беларуси студенческий отряд, который трудился на уборке первого целинного урожая и строил саманные дома в Кустанайской области Казахстана, став предтечей широко распространенных сейчас трудовых семестров. Навсегда осталось в памяти участие в VI и VII всемирных фестивалях молодежи и студентов в 1957 г. в Москве, в 1959 г. в Вене. Побывать в Вене, столице буржуазной страны, для советского студента в те времена было вообще немыслимо, а БГУ предоставил мне такую возможность. Я тогда возглавлял политическую группу белорусских комсомольцев на фестивале и за активную работу был награжден нагрудным знаком за уборку целинного урожая, двумя почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

– С чего начался Ваш путь в науке? Могли ли Вы выбирать темы, учителей, самостоятельно определять приоритеты? Почему первая статья посвящена философскому осмыслению учения физиолога И. П. Павлова? Затем были работы об осмыслении человеческого бытия на новом витке истории, Вы проводили анализ философско-методологических проблем познания, раскрывали новые аспекты диалога науки и христианства, писали о роли культуры и идеологии в духовной жизни человека и народа...

– Я не уверен в том, что сейчас выскажу правильную мысль, но думаю, что путь в науку начинается у молодого человека еще в школе. Я был хорошим учеником: окончил школу с медалью. Мне нравились многие школьные предметы, в частности физика, история, классическая художественная литература, – все то, что органично связано с *Ното сариенс*, действиями человека разумного. А в связи с этим вполне логичным представляется стремление к философскому осмыслению учения великого русского физиолога И. П. Павлова об условных и безусловных рефлексах, и особенно о двух сигнальных системах, составляющих физиологические основания человеческого сознания. Разумеется, такая направленность первого исследовательского интереса – это полностью мой выбор. Естественным его следствием стал переход к изучению сущности диалектического понимания и истолкования философско-методологических проблем, в частности роли анализа и синтеза в научном познании (данной теме была посвящена моя кандидатская диссертация, которую я защитил в 1961 г., когда мне было 30 лет). Изучение социодинамики научного познания привело меня к выводу, что прогресс науки всегда происходит в острых дискуссиях, когда новые идеи, представления, теории сталкиваются с прежними, ранее господствовавшими картина-

ми мира, которые затем оттесняются, уточняются. Такая смена научных парадигм часто происходит в острых противоборствах, в силу чего конфликт становится социальным механизмом возникновения новых научных теорий. Поэтому все новое в научном познании создается и развивается через конфликты, их разрешение и преодоление. Следовательно, конфликт выступает движущей силой научного познания и других видов активной человеческой деятельности. Так прокладывается любой путь к исследованию теории, методологии и практики конкретных противоборств и способов их преодоления и разрешения. В таком же теоретико-методологическом ракурсе раскрываются и интерпретируются в моих работах новые аспекты диалога науки и христианства, возрастающей в современных условиях роли культуры, идеологии в жизни человека, социальных общностей и народа.

– И все же, что является Вашей ключевой темой, по которой Вас узнают в мире науки, которая красной нитью проходит через все Ваше творчество? Это же тоже Ваш выбор?

– На протяжении почти шести десятилетий научной и педагогической деятельности мне приходилось заниматься разными темами, причем выбор направления исследований и преподавания в вузах тоже изменялся. Тем не менее, если говорить кратко, всегда в центре моего внимания оставалась актуальнейшая во все времена проблема человека и его познавательной миропреобразующей деятельности. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с моими крупными монографиями, такими как «Динамика анализа и синтеза в научном познании» (1963), «Социология личности, стратификации и управления» (2006), «Человек в социальных системах» (2013), «Человекомерность социальных систем» (2015), «Роль креативной личности в развитии сетевого общества» (2019). Конечно, в концептуальном плане в осмысление и интерпретацию данной проблематики вносились изменения, уточнения, иногда очень существенные, но всегда в центре внимания и исследовательского интереса оставался человек как венец и неисчерпаемое, непрестанно обогащающееся все новыми гранями, творчески действующее лицо развития планеты Земля.

– Какие проблемы Вы рассматривали в первых своих исследованиях? Кто был Вашим учителем, кумиром в науке? Кто помогал войти в академическую среду? Все ли Ваши мечты исполнились?

– Моя дипломная работа в БГУ была посвящена основным тенденциям развития научного познания, а кандидатская и докторская диссертации усложняли, глубже концептуализировали данную

проблематику, осовременивали, модернизировали и придавали ей более четкую практико-ориентированную направленность. Моими наставниками, мудрыми учителями и кумирами были в студенческие и аспирантские годы профессор отделения философии БГУ доктор философских наук Василий Иванович Степанов, под руководством которого я в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию «Диалектика анализа и синтеза в научном познании». Затем моим кумиром стали два выдающихся московских философа – бывший заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), директор Института философии АН СССР академик Георгий Федорович Александров, работавший в последние годы жизни в Минске в АН БССР (именно он подсказал мне идею написать книгу о Пьере Тейяре де Шардене, которую впоследствии высоко оценил известный британский физик и богослов А. Нестерук, а также член-корреспондент АН СССР Михаил Трифонович Иовчук, ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Именно в этом очень известном и авторитетном в то время научно-образовательном центре я защитил в 1971 г. докторскую диссертацию, посвященную исследованиям социальных аспектов научно-технической революции. Достаточно сказать, что членами ученого совета по защите докторских диссертаций в нем были все работавшие в те годы советские философы – академики: что ни личность, то крупный философский бриллиант. Ими можно гордиться. Но главное – стремиться хоть в чем-то быть похожим на каждого из них, в своей творческой деятельности оказаться их последователем. Это мое стремление было замечено и оценено, и меня пригласили на должность ученого секретаря Института философии и права АН БССР, где я тесно сотрудничал с Г. Ф. Александровым и В. И. Степановым. Я и сейчас работаю в академии, только в Институте социологии НАН Беларуси. А если говорить о мечтах, то, к сожалению, не все они сбываются. Мне, в частности, не удалось свободно овладеть английским языком, стать мастером спорта в беге на 5 тыс. м, хотя был когда-то чемпионом БГУ в этом виде легкой атлетики; написать книгу о месте предательства в историческом процессе. Не хватило настойчивости и воли к достижению успеха, а без этого желаемого результата получить не удастся.

– Как Вы относитесь к междисциплинарности в науке, развитию научных связей с учеными других стран, иных специальностей?

– Считаю развитие междисциплинарности и даже трансдисциплинарности (перенос методики и методологии из одной науки в другую, например из математики или физики в биологию, социологию и др.) чрезвычайно важной, перспективной программой

успешного развития современного научного познания. Именно междисциплинарные тенденции в развитии научных знаний привели к широкому сотрудничеству ученых различных республик СССР, а затем исследователей и представителей нашей страны с зарубежными коллегами. Социальные механизмы междисциплинарности и интернационализации науки и высшего образования подтолкнули и меня к активному сотрудничеству с зарубежными специалистами. Мне, в частности, довелось участвовать в семи всемирных конгрессах (одном философском, одном политологическом и пяти социологических), выступать с лекциями в вузах Берлина, Дрездена, Лейпцига, Вюрцбурга, Дуйсбурга (Германия), Делавара, Нью-Йорка (США), Варшавы, Гданьска, Познани, Катовице (Польша), Иерусалима (Израиль). Но я резко отрицательно отношусь к любым наукообразным интерпретациям в данных процессах, а тем более к превращению научных связей с учеными других стран в элементарный научный туризм.

– Тип управления научной деятельностью оказывает непосредственное влияние и на ориентиры ученых в своих работах. Здесь важны деликатность, уважение, доверие к ученому и его труду...

– Да, отличительными качествами управления научной деятельностью являются креативность и инновационность, опора на которые в науке немислимы без высокого уважения, деликатности и доверия к ученому, его каждодневному, творческому, новаторскому труду.

– И все же, Евгений Михайлович, что подвигло Вас, подающего большие надежды молодого ученого, пойти во власть?

– Многие люди стремятся войти во властные органы через участие в парламентских или президентских выборах, я к этому не стремился, правда, на один срок избирался депутатом Минского горсовета. Что же касается работы в ЦК КПБ, то меня туда приняли после моей беседы со вторым, а затем первым секретарем, которые настойчиво предлагали перейти туда работать. Когда я вежливо отказывался, ссылаясь на то, что меня приглашают на должность заведующего отделом диалектического и исторического материализма в Институт философии и права АН БССР, а это является моей специальностью, согласно защищенной диссертации, меня попросту «уломали», подчеркнув, что выполнять поручения ЦК – важнейший долг молодого коммуниста, которому создали благоприятные условия для защиты диссертации, а через три года меня вернут обратно в Институт философии и права АН БССР. Но обещанные три года обернулись 15 годами напряженной, но интересной работы.

Беседа вторая. Философ и власть

– На Ваших глазах рухнул Советский Союз, изменилась идеология, власть. Как Вы пережили этот период в жизни страны?

– Когда распался Советский Союз, я уже обладал достаточно большим жизненным опытом и переживал это мало кем предсказуемое, казавшееся невероятным, но все же свершившееся событие как общенародную и свою личную трагедию. Меня потрясло то удивительное обстоятельство, что умирание великого государства происходило тихо, грустно, никто ни в Москве, ни в других городах не встал на его защиту (если не считать печально известного ГКЧП, руководители которого собирались управлять огромной страной трясушимися от неуверенности, а может быть и от страха, руками). В одночасье изменилась идеология, совершенно иной стала власть. На обломках могучей империи образовались независимые, самостоятельные, суверенные государства. Вот эта вторая сторона данного исторического процесса уже радовала, внушала определенный оптимизм, порождала новые надежды. Становилось все более ясным, что предстоит больше работать по коренному преобразованию всех сфер жизни общества, в котором возрастающую значимость должны приобрести общественные науки, в том числе философия, социология, политология, комплекс экономических дисциплин.

– Интересен Ваш круг судьбы: БГУ – Институт философии и права АН БССР – отдел науки и образования ЦК КПБ – Институт философии и права АН БССР, Институт социологии НАН Беларуси. Ученый во власти – это хорошо или?..

– Согласно выдвинутой еще Г. Гегелем теории отрицания отрицания, подкорректированной позднее учением Ф. Ницше о вечном возвращении, ход исторического процесса и жизнь отдельного человека напоминают движение по кругу, сопровождаемое возвращением в исходную точку. Однако это не точное повторение прошлого, а развитие, внешне напоминающее круговое вращение, но на каждом новом этапе спирали приобретающее более сложное содержание. Конечно, я вернулся в Институт философии и права АН БССР, но это было возвращение, обогащенное новым, более глубоким пониманием путей решения возникающих проблем. К тому же я осуществил активные действия по созданию и развитию самостоятельного Института социологии АН БССР. Если ученого приглашают работать во властные структуры – это хорошо, ибо это способствует совершенствованию и эффективности управленческой деятельности.

– Чем отличается власть ЦК и академическая власть?

– Власть ЦК или любого руководящего (президент) или распорядительного (правительство) ор-

гана отличается от академической власти. В обоих случаях для осуществления властных полномочий на основе авторитета компетентности необходим политический, хозяйственный или научный опыт. В академической среде важным критерием успешности власти является инновационность, умноженная на глубокие научные знания и эвристичность, креативность. В политической и государственной власти главное – хорошо рассчитанная распорядительность, умноженная на глубокое знание руководимой системы (страна, предприятие, учреждение), стратегическое управление, опора на поддержку и инициативу масс.

– Евгений Михайлович, кто, на Ваш взгляд, из руководителей Беларуси останется навсегда в памяти народной и почему?

– Я убежден, что, благодаря своему героизму в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, мудрому, требовательному и заботливому отношению к простому человеку, его лучшему будущему, навсегда в памяти народной останется Петр Миронович Машеров с его теплой, искрометной улыбкой и одновременно со строгим и требовательным взглядом, выдающимися качествами руководителя республики.

– Кто еще из руководителей страны Вам импонировал и почему? Помнят ли их?

– Мне, да и многим другим в Беларуси, импонировали такие замечательные руководители страны, как К. Т. Мазуров, Т. Я. Киселев, Ф. А. Сурганов, А. Н. Аксенов. Но с памятью о них дело обстоит гораздо хуже. Институт социологии НАН Беларуси расположен на ул. Сурганова, но помнят его и знают о том, кем был и как работал Федор Анисимович, не более половины наших сотрудников. Такая же картина и в других институтах, расположенных в нашем 13-этажном здании. Это печально. Надо ценить и помнить людей, внесших большой вклад в развитие республики.

– Вы, Евгений Михайлович, несмотря на постоянную занятость, работая в должности заместителя заведующего отделом науки и образования ЦК КПБ, находили время для активной научной работы, преподавания, выступлений по линии Всесоюзного общества «Знание», постоянно печатались в периодических изданиях. В этот период у Вас выходили фундаментальные монографии по научно-техническому прогрессу, духовной жизни общества. Как Вы все успевали? Особенно отмечалась тогда Ваша монография по научно-техническому прогрессу. В какой-то степени это были оценка состояния и прогноз развития науки в стране?

– Да, в последние 30–40 лет я постоянно загружен творческой работой в сфере науки, живу в со-

стоянии нехватки времени. Это приучило меня ценить время, жестко планировать и контролировать его, отдавая поздние вечерние часы чтению периодической печати и художественной литературы, иногда посещаю театры и кино. А еще я ввел для себя правило ставить перед собой сверхзадачу, которая кажется сначала невыполнимой, но, когда мобилизуешь свою волю, сконцентрируешь усилия на ее выполнении, интенсифицируешь творческий процесс, – глядишь, и задача успешно решается. Для этого необходимо всегда находиться в напряженном состоянии научного поиска, и ожидаемый результат будет достигнут, в том числе и в прогнозном варианте.

– Как Вы считаете, должен ли ученый – философ, социолог, историк – идти во власть?

– Настоящий, творчески работающий философ, социолог, политолог должен заниматься научной аналитикой, готовить для властных структур аналитические записки и доклады о путях и способах практического применения добытых им научных знаний в различных областях практической деятельности, будь это промышленное или сельскохозяйственное производство, торговля, медицина, образование и т. п. Но, если его избрали в парламент или местный совет депутатов, он должен уважать, выполнять волю избирателей и сотрудничать в органах власти.

– Как Вы полагаете, должна ли власть прислушиваться к экспертизе ученых и почему это не всегда происходит?

– Власть, конечно же, должна прислушиваться к выводам ученых и, в соответствии с их обоснованными рекомендациями, вносить коррективы в управленческую деятельность. Органы власти самого различного уровня, начиная от президента страны и вплоть до председателя сельского совета депутатов, безусловно, должны принимать во внимание рекомендации ученых в своей практической

деятельности. Не всегда так происходит, потому что нередко обеими сторонами не учитывается тот непреложный факт, что для успешного взаимодействия необходимо приложить обоюдные усилия. Нередко исследователь, добившийся в работе серьезных успехов, стремится обозначить свой приоритет, как можно скорее опубликовав результат исследования, а представитель власти, имеющий достаточный опыт практической управленческой деятельности, полагает, что такого рода опыта ему вполне хватит, чтобы решать новые управленческие задачи. Подобное разнопонимание отгораживает их друг от друга и мешает налаживанию взаимовыгодного и эффективного сотрудничества.

– Евгений Михайлович, как Вы сами говорите, труд ученого многогранен и зачастую приводит к непредсказуемым результатам. Имеет ли ученый право на ошибку?

– Труд ученого не только многогранен, но и в сущности своей инновационен: научный поиск всегда направлен на понимание нового, ранее неизвестного. Поэтому результат исследования непредсказуем: он может быть и отрицательным. Соответственно, ученый имеет право на ошибку.

– Перед кем ученый в своем научном поиске в ответе? Место власти здесь первостепенно или, как у Платона, «истина дороже»?

– Исследователь в своем научном поиске в ответе прежде всего перед этосом науки, сущность которого состоит в поиске и доказательстве истины. Роль же представителя властных структур в любом случае заключается в том, чтобы идейно, организационно, социально-психологически, финансово поддерживать научную работу, оказывать содействие поиску истины, активно поддерживать таланты, ибо без этого невозможно осуществление научного, социально-экономического, политического и духовного прогресса общества, в том числе и белорусского.

Беседа третья. Социология как судьба...

– В каких условиях и когда Вы столкнулись с наукой социологией и почему считали важным ее восстановить в правах?

– Назвать точную дату, когда мне пришлось вплотную столкнуться с социологией как со специфической общественной наукой, затруднительно. Видимо, это произошло в 1959 г., когда я впервые пришел на работу в Институт философии и права АН БССР, где мне, как ученому секретарю, в сотрудничестве с заведующими отделами пришлось разрабатывать планы исследований на 1960 г. и всю пятилетку вплоть до 1964 г. Тогда я был увлечен идеей уйти в исследовательской работе от прева-

лировавших в то время в этой сфере абстрактно-философских концепций. А через два года меня совершенно неожиданно для всех, в том числе и для меня самого, пригласили на работу в ЦК КПБ. Во время работы в отделе науки и учебных заведений ЦК в качестве заместителя заведующего отделом и заведующего сектором науки и вузов я предложил, разумеется с теоретическим обоснованием, создать в Институте философии и права АН БССР сектор социологии, пригласив туда в качестве заведующего Г. П. Давидюка. Еще более основательно социологической проблематикой мне пришлось заниматься в 1965 г., когда я был одним из авторов готовившегося постановления ЦК КПБ «Об органи-

зации конкретно-социологических исследований в республике». Следующим важным шагом в осознании назревшей необходимости развивать в Беларуси социологию как самостоятельную и важную общественную науку стало мое участие в работе VIII Всемирного социологического конгресса в Торонто (Канада) в 1974 г., посвященного проблемам науки и научно-технической революции в обществе (незадолго до этого я защитил докторскую диссертацию по данной тематике), где я дважды имел продолжительные беседы с самым влиятельным тогда в мире социологом – американским профессором Толкоттом Парсонсом, высказавшим мне несколько важных соображений о том, как лучше организовать и проблематизировать возрождение и развитие социологии в стране в правах самостоятельной науки.

– Как проходил процесс возрождения социологии, кто стал Вашей опорой, что препятствовало, какие были мнения?

– Процесс возрождения социологии не был простым, встречались и некоторые препятствия. Окрыляла в его осуществлении поддержка со стороны ЦК КПБ, Совмина, Президиума АН БССР, а также известных и влиятельных социологов из Москвы, Киева. Серьезной опорой в моих начинаниях были коллеги и друзья И. Н. Лушицкий, Г. П. Давидюк, В. П. Оргиш, С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, А. С. Круковский. Конечно, трудностей и препятствий возникало немало. Прежде всего требовалось буквально «выбивать» помещение для размещения сотрудников создаваемого института и «доставать» необходимое оборудование. Достаточно сложно было разрабатывать исследовательскую тематику и структурную архитектуру научного коллектива, которая учитывала бы как общие тенденции развития социологии, так и особенности социодинамики общественной мысли в Беларуси, перспективы ее развития. Не обходилось без определения источников и размеров финансирования и т. п. Все было непросто, везде возникали непредвиденные затруднения. Но самые серьезные осложнения в решении вопроса о создании Института социологии в структуре АН БССР возникли там, где их меньше всего следовало ожидать, – в Президиуме АН СССР.

Окрыленный поддержкой проекта создания в Минске академического института социологии, полученной в Институте социологии АН СССР, где директором в то время был член-корреспондент В. Н. Иванов, и в отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, где тогда работали доктора философских наук Р. И. Косолапов, В. Н. Кузьмин и Ю. Н. Красин, я достаточно спокойно прибыл на заседание Президиума АН СССР, где мне предстояло выступить с докладом о проекте создания социологического института в АН БССР. Все началось по установлен-

ному стандарту: 15 мин для доклада о важности и актуальности создания нового академического подразделения, об имеющихся в Минске необходимых научных кадрах, об основных направлениях намечаемых исследований; затем – вопросы к докладчику и ответы на них, а после этого – обсуждение рассматриваемой проблемы.

Вот здесь-то и возникло неожиданное препятствие. Первым в процессе обсуждения выступил известный философ, академик Леонид Федорович Ильичев. Имея огромный опыт работы в газете «Правда», а затем в Идеологической комиссии при ЦК КПСС, которой он руководил, Л. Ф. Ильичев произнес достаточно длинную, витиеватую речь, смысл которой сводился к тому, что имеется печальный опыт внутриусобной межличностной борьбы в Институте социологии АН СССР, где научные интересы порой отодвигаются на второй план в сопоставлении с личными амбициями. Академик высказал сомнения по поводу того, не возникнет ли подобная ситуация в Минске в случае создания там самостоятельного социологического института, и заключил, что лучше не торопиться с этим вопросом. В подобном же ключе высказывался известный советский литературовед, академик Михаил Борисович Храпченко. Во время этих выступлений я чувствовал, что почва уходит из-под моих ног. Но вдруг обсуждение пошло в совсем другом русле. С яркой речью на заседании Президиума АН СССР выступил выдающийся физик, один из основоположников квантовой электроники, лауреат Нобелевской премии, академик Александр Михайлович Прохоров. «Меня, – сказал он, – удивляет странная позиция, даже, точнее говоря, отсутствие позиции у двух моих коллег, академиков-гуманитариев, которые должны были первыми активно поддержать предложение о создании в структуре АН БССР Института социологии. Нам молодой человек из Минска (А. М. Прохоров был старше меня почти на 20 лет) представил очень хорошо обоснованное предложение, согласованное и в Институте социологии нашей академии, и в отделе науки ЦК КПСС, о создании нового института. И никаких сомнений в важности и нужности такого института не должно быть. Мы, физики, в огромном долгу перед Беларусью за то, что там случилось после катастрофы на Чернобыльской АЭС. И самые тяжкие негативные последствия этой катастрофы не столько радиологические, сколько социальные и психологические. Да и опыт социально-экономического развития в этой республике очень интересный и поучительный, его надо изучать и обобщать, в том числе и социологическими методами. Поэтому Институт социологии в Академии наук БССР необходим».

После этого выступления Л. Ф. Ильичев в своей реплике заявил, что он не против создания Института социологии АН БССР в Минске, а только со-

мневается в своевременности такого решения. Но общее настроение членов Президиума АН СССР под впечатлением от речи А. М. Прохорова уже изменилось. К тому же и хороший мой знакомый по работе в отделе науки ЦК КПБ, заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, к тому времени избранный академиком и главным ученым секретарем АН СССР, известный специалист в области автоматизированных систем управления Игорь Михайлович Макаров активно поддержал проект о создании Института социологии в структуре АН БССР. После этих ярких выступлений успех был предрешен, и Президиум АН СССР своим решением постановил учредить Институт социологии АН БССР и одобрил основные направления его исследовательской деятельности.

В результате всех необходимых согласований и решения Бюро ЦК КПБ постановлением Совета Министров БССР от 16 января 1990 г. № 12 был образован Институт социологии АН БССР на базе функционировавшего на то время Республиканского центра социологических исследований и присоединения к нему двух отделов Института экономики АН БССР – отдела социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения (заведующий – А. А. Раков) и отдела науковедения (заведующий – Г. А. Несветайлов), а также лаборатории социальной психологии личности и коллектива Института технической кибернетики АН БССР, преобразованной в отдел (заведующий – В. И. Секун). Широким фронтом в новом институте развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам развития современной социологии, стали разрабатываться такие направления, как социология личности, науки и культуры, труда и демографии, молодежи, изучались отношения различных групп населения к социальным институтам, социально-стратификационная структура белорусского общества, динамика политической системы Беларуси, особенности общественного мнения, функционирующего в республике, и др.

– Вопрос о создании Института социологии в системе Академии наук, можно сказать, витал в воздухе, и Вы взяли на себя ношу организатора нового учреждения. Каковы основные аргументы склонили многочисленные инстанции в пользу создания в Беларуси такого института?

– Возрастающие потребности социального развития Беларуси в конце 1950-х – начале 1960-х гг. со все большей настоятельностью требовали восставления и развития социологической науки, естественно, на новой, качественно более высокой, чем прежде, методологической и теоретической основе.

Эти процессы имели преимущественно прикладной характер, осуществлялись по заказу и под контролем руководящих партийных органов. Важным шагом в институционализации социологии в Беларуси стало постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Этим постановлением в обязанности Президиума АН БССР и Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР вменялось разработать мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях. В частности, предлагалось создать лаборатории социологических исследований при БГУ и Институте народного хозяйства. В 1967 г. была создана проблемная социологическая научно-исследовательская лаборатория в БГУ, которую возглавил член-корреспондент АН БССР И. Н. Лущицкий. В следующем году был организован сектор конкретных социологических исследований, возглавляемый кандидатом (затем – доктором) философских наук Г. П. Давидюком в Институте философии и права АН БССР. В начале 1978 г. в этом же институте, директором которого я стал в марте 1977 г., был сформирован сектор методологических проблем социологических исследований. На работу в него наряду с сотрудниками Института философии и права АН БССР были приглашены квалифицированные социологи из БГУ Г. Н. Соколова, С. А. Шавель и др. Этот сектор и составил кадровую базу для создания самостоятельного Института социологии АН БССР. Главным звеном этой достаточно сложной и кропотливой работы, требующей многочисленных согласований с партийными и государственными органами, исследовательскими и учебными учреждениями, являлась подготовка высококвалифицированных кадров. В течение небольшого интервала времени докторами наук, профессорами стали сотрудники названного сектора С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, В. И. Русецкая, В. П. Оргиш, Э. К. Дорошевич, Р. А. Смирнова и ряд сотрудников других организаций, приглашенных на работу в создаваемый институт, – Г. А. Несветайлов, А. А. Раков, И. В. Котляров, В. И. Секун. Разумеется, в этот период защищались и кандидатские диссертации. Такая многогранная деятельность потребовала нескольких лет напряженного творческого труда. Однако с этими кадрами можно было решать самые сложные и актуальные задачи не только прикладных, но и теоретико-методологических исследований в сфере социологии.

– Как начал свою работу Институт социологии АН БССР? Кстати, в 2020 г. ему исполнилось 30 лет. Как подбирались кадры, какова была те-

матика, как происходило взаимодействие с руководством? Каким Вы его видели и что получилось по прошествии лет?

– Когда был создан наш институт, я в первые же месяцы его функционирования начал устанавливать контакты и развивать деловое и творческое взаимодействие с известными философами и социологами, работавшими за пределами республики.

В течение 1990-х гг. расширились научные связи и взаимодействия Института социологии НАН Беларуси с ведущими философскими и социологическими центрами Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новосибирска. В институте неоднократно выступали академики РАН Б. М. Кедров, В. Н. Кудрявцев, М. Б. Митин, Т. И. Ойзерман, Г. В. Осипов, члены-корреспонденты РАН М. Т. Иовчук, В. Н. Кружков, И. А. Степанян, М. Н. Руткевич, В. И. Шинкарук, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко, Р. Г. Яновский, широко известные российские социологи В. А. Ядов, Л. Н. Коган, Ю. А. Левада, доктора социологических наук из Польши, Литвы, Эстонии А. Матуленис, М. Титма, Я. Ождзинский, М. Мартинковский, А. Садовский, В. Сломский и др. Со многими из них на базе руководимых ими научно-исследовательских организаций проводились совместные консультации и исследования. Высокая квалификация, обширный опыт и творческий профессионализм ученых очень помогли в становлении и развитии нашего института.

За прошедшие после этого 30 лет Институт социологии НАН Беларуси превратился в крупный и признанный не только в нашей стране, но и за ее пределами исследовательский центр. Его сотрудниками, аспирантами и соискателями защищено более 20 докторских и свыше 50 кандидатских диссертаций, опубликовано более 170 монографий, учебников и учебных пособий; проводятся исследования и научные конференции. В институте проходят подготовку высококвалифицированные научные кадры по широкому кругу актуальных и важных социологических проблем, диктуемых динамичным устойчивым инновационным развитием Республики Беларусь.

– Какое место занимала социология в период, когда наблюдался серьезный кризис советской системы, связанный с чернобыльской трагедией, началом распада СССР?

– Кризис советской системы, завершившийся распадом Советского Союза, стал величайшей общественно-политической катастрофой. Резко снизился уровень жизни народа во всех республиках, в том числе в Беларуси, большинство населения оказалось на грани выживания. Полки магазинов быстро опустели, самые необходимые продукты питания приобретались по талонам. В этих условиях начался отток квалифицированных специа-

листов, в том числе и социологов, в более «денежные» сферы деятельности. В нашей республике эта ситуация усугубилась крупнейшей в истории человечества социально-эколого-технологической чернобыльской катастрофой. Институт социологии одним из первых в Беларуси организовал исследование этой трагедии и ее воздействия на все стороны жизни людей. Для этого мы оперативно установили связи с облисполкомами и райисполкомами двух наиболее пострадавших от радиоактивного загрязнения и его негативных последствий областей – Гомельской и Могилевской. Вместе с заместителем директора института А. С. Круковским, ведущими научными сотрудниками В. А. Клименко, В. И. Русецкой и другими коллегами мы осуществили социологические и социально-психологические экспериментальные исследования в пострадавших от радиации районах, провели необходимые консультации, представили в местные органы управления аналитические записки и практически значимые рекомендации. Фактически в нашем институте была разработана и концептуализирована философско-социологическая теория катастроф, которая нашла воплощение в трех моих монографиях, освещавших сущность, особенности, последствия и способы преодоления последствий чернобыльской катастрофы, а также в тематических сборниках научных трудов, докладах и выступлениях на научно-практических конференциях, в том числе и в зарубежных странах.

– Насколько прислушивалась власть к результатам Ваших исследований?

– Если возникает вопрос о том, насколько прислушивается власть к результатам социологических исследований, то лучше было бы спросить об этом представителей власти. Что касается социологов, то я твердо убежден, что важнейшей составной частью социологических исследований является подготовка аналитических записок и докладов, в которых обобщаются и осмысливаются основные результаты изучения социологическими методами и приемами актуальных социальных проблем, и представление такой аналитики властным структурам (разумеется, в сжатой форме, с выводами и рекомендациями). Почти ежегодно такие документы мы направляем в различные властные структуры – в Администрацию Президента Республики Беларусь, парламент, прокуратуру, различные министерства и ведомства, местные органы власти и самоуправления. В Администрацию Президента Республики Беларусь, например, мы представляем аналитические материалы о социодинамике степени влияния тех или иных политических сил или отдельных участников предвыборной кампании в период подготовки и проведения президентских и парламентских выборов, а также об оценке деятельности политических и социальных институтов в общест-

венном мнении граждан Беларуси. В Министерство образования Республики Беларусь направлялись аналитические записки о рекомендации по совершенствованию образовательно-воспитательной деятельности в средней и высшей школах. В Министерство экономики Республики Беларусь представлялись аналитические материалы об усилении эффективности государственно-частного партнерства, об оптимизации соотношения профессий и специальностей на быстро изменяющемся рынке труда. В Гомельский, Могилёвский и другие облисполкомы отправлялись аналитические обзоры и рекомендации по основным направлениям социально-психологической реабилитации населения, а также путей формирования и реализации адаптационных стратегий поведения разных групп населения, пострадавших от чернобыльской катастрофы, по эффективным способам преодоления ее отдаленных последствий и реабилитации пострадавших территорий. В местные органы власти и управления направлялись аргументированные выводы о наиболее эффективных путях привлечения граждан к участию в подготовке, разработке и реализации управленческих решений, контролю за их осуществлением.

Иногда мы получаем от адресатов очень подробную документацию о том, какие рекомендации приняты и реализуются, на какие проблемы в изучаемой сфере общественной жизни следует сфокусировать внимание в ближайшем будущем, как это было, например, в развернутом, обоснованном ответе на нашу аналитическую записку в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь. В большинстве случаев к нашим инициативам относятся с вниманием и благодарностью.

– В Ваших публикациях конца 1980-х – начала 1990-х гг. все более настойчиво проявлялась потребность в осмыслении национальной идентичности, «беларускасці», как Вы пишете, проблемы укоренения белорусской государственности.

– Да, действительно, как только разрушился Советский Союз, а в разошедшихся союзных республиках образовались независимые, суверенные государства, возникла острая, животрепещущая проблема выработки и реализации самостоятельного курса в экономике, политике, образовании, культуре каждой из новых стран. Тогда белорусский народ сделал свой исторический выбор, воплощенный в белорусской модели социально-экономического развития. В ее основе находится создание эффективно действующей социально ориентированной рыночной экономики с мощными механизмами государственного и рыночного регулирования, обеспечением честного сотрудничества государственного и частнопредпринимательского

секторов, функционированием эффективной власти и сильной социальной политики. Такая экономико-политическая модель учитывает менталитет белорусского народа, его историю и традиции, надежды и чаяния. Она предусматривает неуклонную реализацию принципов социальной справедливости и человекоориентированности во всех сферах белорусского общества.

В тот нелегкий и сложный период развития молодого независимого белорусского государства и сформировалась идея *беларускасці* как воплощения самостоятельности и самобытности социально-экономического, политического и социокультурного развития нашей страны в первой четверти XXI в. Этот феномен, как я себе представляю, должен базироваться на трех опорах: национальной идее, идеях белорусской независимой государственности и высокой гражданственности. Конечно, на протяжении двух с половиной десятилетий идея *беларускасці* развивалась и конкретизировалась. Я бы упомянул еще два важных ее аспекта, получивших разработку в Институте социологии НАН Беларуси в последние годы, – проблемы национально-культурного кода белорусского народа и национальной идентичности. Социологические исследования показывают, что белорусский национально-культурный код со времени складывания белорусской народности (эпоха Евфросиньи Полоцкой и Кирилла Туровского) и формирования белорусской нации (период деятельности Франтишка Богушевича и Янки Купалы) выполнил мощную креативную роль в формировании национальной идентичности белорусов (так считают почти 85 % респондентов), их гражданской идентичности (91,5 %). Характерно, что две эти идентичности не только развиваются в едином социально-историческом русле, но и синергетически усиливают друг друга. Это свидетельствует о глубокой укорененности белорусской идентичности (*беларускасці*, *беларушчыны*, как писали Янка Купала и Рыгор Бородулин), неотделимой от белорусской государственности, в менталитете и действиях нашего народа.

– Иногда создается впечатление, что не было такой проблемы, на которую Вы не откликнулись бы фундаментальной монографией. В частности, Вы разрабатывали проблемы последствий аварии на Чернобыльской АЭС, перехода общества к рыночным отношениям, кризиса духовной сферы, человекомерности... Как Вам удастся создавать актуальные и востребованные работы?

– В течение многих лет, начиная с участия на втором курсе в деятельности студенческого научного общества БГУ, все более усиливалось мое стремление заниматься исследовательской работой, искать и находить нечто новое, мало или совсем не

изученное философией, а затем и социологией, политологией, культурологией, формулировать из найденного нового свою доказательную позицию и решительно ее отстаивать перед кем-то из коллег и даже представителей начальства. Сначала результаты научных изысканий публиковались в сборниках студенческих научных работ, затем – в университетских, академических, политико-публицистических изданиях. Потом на основе осмысления приобретенного опыта создавались монографии и учебные пособия для вузов. По мере продвижения по этим ступеням тематика расширялась, аргументация усиливалась, но неизменным оставалось стремление генерировать новые подходы, идеи, концепции. Откликаясь на запросы времени, я готовил публикации и по проблемам научного познания в русле диалектического и исторического материализма (так записано в моих дипломах кандидата и доктора наук), и по тематике технологических, социальных, политических и личностных катастроф (в психологическом ракурсе), особенностей перехода общества к рыночным отношениям, и по актуальным вопросам обеспечения национальной, региональной и международной безопасности (в частности, информационной безопасности), и, конечно же, по становящейся все более актуальной с развитием в XXI в. третьей и четвертой промышленных революций проблематике человекомерности социального бытия и различных его сфер. Всецело поглощенный стремлением к исследовательской деятельности, я себе послабления не даю, иногда два-три года не бываю в отпуске, постоянно держу себя в творческом тонусе, отсюда появляется и заметный результат.

– За долгие годы работы у Вас сформировалась своя научная школа. Как бы Вы ее назвали и кого бы определили в качестве своих сподвижников, развивающих Ваши научные идеи?

– Я бы уточнил: сложилась не просто научная школа, а более широкий социально-исследовательский феномен – научное философско-социологическое направление. Школа, разумеется, есть, но это более узкий ракурс исследовательско-наставнической деятельности. Я бы назвал ее (достаточно условно) научной школой человекомерности социального, научного и технологического развития социального бытия. В качестве своих сподвижников (боюсь, всех не назову) я бы выделил членов-корреспондентов НАН Беларуси П. А. Водопьянова и А. Н. Данилова, докторов наук, профессоров В. И. Русецкую, С. А. Шавеля, В. В. Бущика, Ю. М. Бубнова, А. П. Дикселиса, Г. М. Евелькина, А. И. Зеленкова, П. В. Кикеля, В. В. Кириенко, А. С. Лаптенка, В. П. Оргиша, Г. Н. Соколову, Р. А. Смирнову, В. П. Старжинского, В. П. Шейнова.

– Вы всегда очень тепло говорите о родном БГУ, многих знаете, со многими работали в разное время, а когда началась подготовка профессиональных социологов, преподавали. И до сих пор остаетесь постоянно на связи с учениками. Что для Вас БГУ? Сейчас приток студентов значительно возрос. Чем отличаются современные студенты от прежних поколений?

– Да, действительно, я всегда считал и считаю, что БГУ – это мой дом родной, моя судьба, мои лучшие годы, мой вечно живой и активно действующий трамплин, позволивший мне совершить успешный прыжок в заманчивую, увлекательную профессиональную жизнь философа и социолога. Именно здесь закладывался фундамент тех идей и свершений, которые и сегодня согревают мою душу и помогают идти вперед, преодолевать трудности. В БГУ и сейчас работают мои верные друзья, и не только философы, социологи, но и физики, химики, в том числе мои ученики, с которыми я поддерживаю творческие и дружеские связи. Сейчас студентов в БГУ и других университетах Беларуси стало неизмеримо больше, чем в то время, когда учились мы. Я бы не стал противопоставлять прежних и современных студентов. За это время коренным образом изменилась наша страна, произошли трансформации в образовании, науке, культуре, другими стали требования к студентам, конечно же, изменились и студенты, ведь мы живем в сетевом обществе, в эпоху глобальной цифровизации. Но студент всегда останется студентом: ему присущи любознательность, ироничность, критичное отношение ко многим устоявшимся вещам, веселая насмешливость – иначе и быть не может. Если вспомнить годы моего студенчества, то учиться было интересно, правда, по сравнению с нынешними временами мы сталкивались со многими сложностями: не хватало книг, необходимую философскую литературу можно было найти в Ленинской библиотеке, а социологию и вовсе считали буржуазной лженаукой, об интернете даже не помышляли. Такая ситуация побуждала к тому, что мы практически всей группой ездили в библиотеку, читая книги по очереди, и это подталкивало к серьезному изучению литературы. Однако философское образование в то время выгодно отличалось тем, что мы на семинарах постоянно практиковали дебаты, учились аргументировать свою позицию, дискутировали с оппонентами. Сейчас этому уделяют меньше внимания, а зря. Помню, как мы целый семестр изучали немецкую классическую философию. Это было очень увлекательно, и знания, полученные мною тогда, еще студентом, оченьгодились, когда годы спустя я ездил читать лекции в университеты Германии, выступал с докладами и участвовал в дискуссиях на международных конференциях, в том числе

и на всемирных философских и социологических конгрессах.

Главное отличие между студентами того времени и современным поколением состоит в том, что теперь молодые люди более активны, они обладают огромными возможностями: есть доступ к любой литературе в библиотеках и интернете. С одной стороны, теперь студенты более информированы, информация окружает их везде. С другой стороны, как мне кажется, у современных студентов меньше развиты навыки публичной речи, ведения дискуссии. Это связано, конечно, и с ориентациями в образовании. Еще одно явное отличие заключается в соотношении юношей и девушек, которые учатся на философском отделении. У нас в группе было 24 юноши и 4 девушки, и в принципе на философию шли в основном ребята, они хотели заниматься наукой. Сейчас на гуманитарных специальностях везде больше девушек. Юноши как-то особо не хотят заниматься наукой – непрестижно, много денег не зарабатываешь. В этом смысле ориентиры поменялись.

Нельзя не заметить еще одной особенности мышления и миропонимания современного молодого человека. Многие студенты чрезмерно погружены в красочный мир событий, сюжетов, образов, концепций, калейдоскопически меняющийся на интернет-ресурсах с огромной быстротой, без какой-либо логической последовательности. Сиюминутность не оставляет ни времени, ни желания серьезно осмыслить и взвешенно оценить все найденное на сайтах. Интернет дает максимум свободы в выборе программ и сюжетов при минимуме осмысления и ответственности, вследствие чего стремления проникнуть в сущность изображаемого, сделать выводы, всерьез задуматься и глубоко понять то, что стоит за яркими изображениями, не остается. Постепенно у зрителя и слушателя формируется обманчивое ощущение, что он знает почти все обо всем, но такое знание поверхностно, оно не сопровождается выработкой умения систематизировать воспринимаемые явления и процессы, убедительно аргументировать свою позицию. Это обманчивое (даже, можно сказать, самообманчивое) всезнание освобождает от кропотливой, трудозатратной дискурсивной, хорошо обоснованной, доказательной и творческой логической работы мысли и мироистолкования. Поэтому у многих студентов утрачиваются (а то и просто не формируются) навыки самостоятельного, оригинального, самобытного и творческого практико-ориентированного мышления. Это и есть все то, что называется клиповым мышлением, которое препятствует молодому человеку сформироваться (разумеется, с помощью профессоров, преподавателей, участия в дискуссиях и т. п.) как специалисту-профессиона-

лу: философу, социологу, психологу, физику, биологу и т. д.

– Наука и образование. Сегодня много споров вызывают количественные оценки эффективности работы ученых, основанные на публикационной активности, величине индекса цитирования. Как Вы к этому относитесь?

Наука и образование – это два неразрывно связанных, сообщающихся социальных сосуда: чем успешнее развивается один, тем выше поднимается второй. Они не только взаимопереплетаются, но и множественно пересекаются друг с другом. Ведь не может быть успешных ученых, если в обществе нет или недостаточно хорошо подготовленных учащихся и студентов. Но не может быть и хорошо обученных и воспитанных, талантливых и перспективных студентов, если общество не располагает талантливыми, перспективно мыслящими и действующими научными кадрами, поэтому наиболее квалифицированные научные работники должны взаимодействовать со студенческой молодежью, желательно на условиях штатного совместительства. А строго соблюдать возрастной ценз здесь вовсе не обязательно: один профессор или доцент даже в 80 лет и наукой успешно занимается, и лекционный курс замечательно преподает студентам или аспирантам, а другой едва справляется с преподаванием, читая лекции по замусоленным бумажкам. В каждом человеке есть нечто потаенное, о чем замечательно писал М. Хайдеггер, и это потаенное раскрывается, становится явью только в активной исследовательской и преподавательской деятельности.

Существует множество подходов к оценке эффективности работы ученых. Я убежден, что главное здесь – качественные, а не количественные характеристики. Когда человек в науке достигает заметной или выдающейся позиции, это оценка качественная, а не количественная. Публикационная активность ученого всем видна – у каждого имеется определенное число статей, книг или учебников. Что же касается индекса цитирования, то здесь много субъективизма: одного автора я знаю и цитирую, о втором почему-то не слышал, не читал и оставляю за пределами своего внимания. К тому же в этой сфере есть нечто похожее на договорные матчи в футболе, поэтому к индексам цитирования я отношусь с определенной долей скептицизма, недоверия.

– Какая социология востребована сегодня и что ее ждет впереди, с Вашей точки зрения?

– Происходящие в современном социуме крупномасштабные сдвиги, детерминированные раз-

вертыванием третьей, а затем и четвертой промышленной революции (нано-, биоперевооружения, экологические, информационные и когнитивные перемены), ставят перед современной социологией новые, невиданные ранее задачи. Она должна стать прежде всего социологией самовоспроизводства человека и общества и выстраивать в этом контексте новый теоретико-методологический дискурс, человекоориентированный и человекомерный. Также она призвана исследовать и концептуализировать познание человека как продукта собственного активного действия и самосовершенствования. Помимо этого, современное высокотехнологичное, информационно перенасыщенное общество ждет от социологии эвристической сконструированности, субъектности и субъективности человека и всех форм его жизнедеятельности. Обществу, его индивидам, социальным группам и общностям нужна концентрация всех видов, способов и форм существующих ныне интегративных приемов и умений, позволяющих осмыслить и концептуализировать миропреобразующую и челове-

коформирующую деятельность народов и стран как трансинтегративную, непрестанно обновляющуюся и совершенствующуюся социологическую систему, обладающую множеством дифференциаций, горизонтальных и вертикальных, прямых и обратных связей. Социология должна быть ориентирована на углубленное теоретическое и практико-ориентированное эмпирическое исследование, выработку новой концептуализации всех возникающих форм жизнедеятельности, адаптационных стратегий людей, всех видов уплотняющихся (включая и виртуальные, массмедийные) взаимодействия индивидов, групп, обществ. Отвечающая запросам и потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня социология призвана стать социологией глобальной поливариативности чувств, мнений, стремлений, надежд, целей и активных действий рода человеческого.

Если социология в процессе своего безостановочного развития обретет названные качества и овладеет умениями их практической реализации на благо людей, ее ждет прекрасное и благодатное будущее.

Беседа четвертая. Мудрость зрелых лет

– Евгений Михайлович, когда, на Ваш взгляд, наступает мудрость и что это такое?

– Сказать точно, когда наступает мудрость, довольно затруднительно. В жизни не бывает так, чтобы жил себе на свете человек и в один прекрасный день вдруг все поняли, что он стал мудрым. Мудрость – это очень объемное, многомерное понятие. Она включает в себя и глубокий ум, и внимательность, наблюдательность, и эмоциональную отзывчивость человека, и его удивительную интуицию, и хорошее знание жизни, житейский опыт, и, конечно же, умение по определенным признакам и явлениям улавливать тенденции и перспективы развития окружающей действительности, а также сущность и характер человека, его доброту или заносчивость, злобность. Я думаю, что очень точно сущность мудрости определил выдающийся русский писатель И. А. Гончаров: «Мудрость – это совокупность истин, добытых умом, наблюдением и опытом, это гармония идей с жизнью». Обычно мудрость приходит к человеку с годами, в зрелом возрасте. Поэтому когда говорят о человеке, что он мудрый, то имеют в виду, что он обладает глубоким знанием жизни, богатым опытом, одарен большим умом, основанным на понимании окружающих явлений, процессов и стоящих за ними людей. Но недостаточно обладать мудростью: необходимо уметь пользоваться ею в различных жизненных ситуациях, без этого мудрость способна выродиться в бесплодное умствование, схоластику. Философу и му-

дрецу (эти понятия отнюдь не всегда совпадают) чаще всего живется нелегко.

– Как менялись в Вашей жизни приоритеты, ценности, может, взгляды и что их меняло?

– Чаще всего приоритеты, ценности и взгляды человека меняются с возрастом и зависят от окружающей его социальной и даже семейной действительности. Для меня, например, на протяжении многих лет жизни высшей ценностью являлись коммунистические идеалы и истины науки. С течением времени они несколько потускнели, но я от них не отказался, а истины науки многократно возросли в своей значимости. Меняла же эти ценности и приоритеты сама удивительная, прекрасная, противоречивая и все же вызывающая перед собой преклонение жизнь во всей ее красе.

– Что Вас беспокоит сейчас и, если можно так сказать, что сейчас составляет для Вас передний край гуманитарного знания?

– Прослужив много лет в сфере гуманитарного знания, могу честно сказать, что меня беспокоит немало в данной сфере, но, пожалуй, главный предмет беспокойства состоит в том, что гуманитарные знания пока еще не достигли такой же ценности, точности, доскональности и признательности, как знания естественно-научные. А если говорить о переднем крае гуманитарного знания, я бы отнес к нему философию, языковедение и литературоведение.

– *У Вас только что вышла новая монография «Наука и человекометричность окружающей реальности». Поздравляем! Над чем Вы сейчас работаете?*

– Над подготовкой к публикации «Энциклопедического словаря по проблемам политической социологии» в издательстве «Беларуская навука». Привлекаем к этой непростой работе довольно широкий круг авторов, в том числе и молодых ученых.

– *Вы когда-то стартовали в науке с монографии о религии, сейчас она даже хранится в библиотеке Ватикана. А как Вы сами относитесь к религии, вере?*

– Я хотел бы уточнить: первая монография, которую мне удалось опубликовать еще в 1963 г., была посвящена раскрытию роли анализа и синтеза в научном познании, а в следующем году вышла в свет монография по проблемам религиоведения. Главный ракурс, в котором я рассматривал, да и сейчас иногда публикую работы по религиоведческой проблематике, – это взаимоуважительный диалог науки и религии. Первые мои работы на эти темы были опубликованы в журналах «Наука и религия» (Москва) и «Ринашита» (Рим). Я всегда, и в 1960-х гг., и в настоящее время, относился и отношусь с уважением к религии, священнослужителям и верующим. Никогда не скатывался в своих высказываниях на расхожие в советской печати штампы типа «атеисты в наступлении», «против религиозного мракобесия». Почти во всех крупных городах, в частности в Москве, Петербурге (Ленинграде), Киеве, Варшаве, Кракове, Берлине, Париже, Мадриде, Риме и Ватикане, Нью-Йорке, Вашингтоне, Дели, Иерусалиме, Стамбуле, Минске, Гомеле, я посещал храмы. Убежден: надо уважать то, во что верят люди, и всегда лучше, если человек верит в кого-то или во что-то, чем когда он ни во что не верит.

– *Как менялся собирательный портрет ученого на протяжении Вашей работы в науке и высшей школе? Что оставалось важным и неизменным, а что было тогда первостепенным, а с годами теряло свою ценность?*

– Обобщенный, типичный портрет ученого, конечно же, изменяется вместе с тем, как развивается эпоха, наука. По мере развертывания научно-исследовательского процесса, его углубления в сущность изучаемых явлений отходят на задний план отжившие свой век представления, выявляются новые закономерности развития окружающей действительности, да и самого человека, но остается неизменным самое главное, составляющее сущность научного познания, – генерирование нового знания, исследование неизвестного, движение

к истине, стремление применять добытые знания на практике. Например, во времена моего студенчества всячески превозносили бездоказательные призывы академика Т. Д. Лысенко выращивать на одном стебле пшеницы два колоса вместо одного и тем самым удваивать получаемый урожай, зато подвергались жесткой критике генетика и кибернетика как измышления «буржуазной лженауки», отвергались их достижения. Кстати, в разряд таких измышлений штатные околонаучные пропагандисты относили в то время и социологию. К счастью, все это осталось в прошлом, хотя и сейчас бывают в науке не только великие открытия, но и досадные заблуждения. Я убежден в правоте высказанной К. Марксом мысли, известной очень многим лицам: «В науке нет широкой столбовой дороги...» В ней прогресс достигается упорным, кропотливым трудом ученого. Так было и так будет всегда, ибо в этом заключена сущностная особенность научно-технического прогресса.

– *Глобализация, информационное общество, цифровизация – новые вызовы современности?*

– Новые вызовы современности, сгенерированные глобализацией, информационной революцией, цифровизацией, не оттеснили особенности науки, но сделали их еще более рельефными, зримыми.

– *За Ваш век, Евгений Михайлович, как трансформировались наука и образование? Какие перемены Вы оправдываете и над чем стоит еще подумать?*

– На протяжении длительного времени мне пришлось участвовать в исследовательской деятельности и преподавании. Изменилось очень многое. Сделано немало новых открытий, разворачивают свое разнообразие третья и четвертая научно-технические революции, радикально трансформируется содержание высшего образования (да и среднего тоже). Все это замечательно, все принято нашим обществом, нашим народом с пониманием и удовлетворением. Но существуют проблемы, требующие решения, и желательного быстрого. Одна из них – более быстрое овладение исследователями и преподавателями, аспирантами и студентами позитивными сторонами сетевизации и цифровизации различных сфер современного общества. Вторая – найти в себе силы преподавателям и студентам, чтобы преодолеть нежелательную зависимость от интернета, социальных сетей, угрожающую молодым людям утратой не только способности дискурсивно, в том числе критически, мыслить и действовать, проникая в сущность изучаемых процессов, но и социальных навыков, которые формируются не компьютером, а в процессе разностороннего общения с другими людьми.

– Что для Вас Минск, БГУ, НАН Беларуси? Ваши навсегда незабываемые мгновения счастья? И что значит для Вас быть счастливым?

– Для меня Минск – навсегда любимый город. За все годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, я уезжал из него только в отпуск, в командировки, на научные конференции, а в студенческие, комсомольские годы – на съезды ВЛКСМ и всемирные фестивали студентов и молодежи в Москву и Вену. Хотя заманчивых предложений перейти на различные научные и административные должности было немало – в Москву, Ленинград, Киев, Нью-Йорк, Душанбе. Для меня принять такое предложение – это то же самое, что изменить самому себе, так что я неизменный минчанин.

О БГУ я уже говорил – это моя судьба, мой выбор, мой дом родной. Когда я в нем бываю, все воспринимается как родное, а сердце бьется со щемящим чувством радости. Что же касается НАН Беларуси, то здесь я работаю с 1959 г. (с перерывами), эта работа приносит мне глубокое удовлетворение, и это я оцениваю очень высоко.

Говорить о счастье трудно, делать это необходимо с душевным трепетом. Если сказать о счастье очень обобщенно, то считаю, что я человек счастливый. А незабываемых мгновений счастья в жизни было немного. Самое восхитительное промелькнуло однажды летом, на роскошном лугу, в пойме излучины реки недалеко от Минска. Мы были там вместе с женой Анастасией и двумя сыновьями. Мы с ней сидели на опушке леса, а сыновья неслись по высокой луговой траве, перемежающейся с прекрасно пахнущими летними (не городскими) цветами, мчались вдоль изгиба реки, обгоняя один другого. Я что было силы вскочил и помчался им наперерез, и, когда мы столкнулись и сплелись в единое целое, они опрокинули меня навзничь, прижали к теплой земле, и я отчетливо услышал бьющиеся в одной ритмике три родных сердца. Такого блаженного мгновения уже никогда не будет, а воспоминание о нем согревает и сегодня мое сердце и душу, заставляет их трепетать от счастья.

Кроме счастья как неповторимого мгновения, бывает счастье как длительность, протекающая достаточно долго. В таком понимании быть счастливым – это жить, учиться и работать в любимом городе; иметь верных друзей, которые всегда, когда потребуется, придут к тебе на помощь, поддержат и в горе и в радости; полюбить в юношеские годы потрясшую твоё воображение и сердце девушку, которая останется для тебя единственно любимой на всю жизнь (у меня есть двое таких друзей и подруга со школьных лет, есть любимая жена, с которой мы вместе с четвертого курса – в этом состоит величайшее благо и счастье); уловить свое призвание при поступлении в вуз и, следуя этому призванию,

упорным и кропотливым трудом формировать в себе высококвалифицированного профессионала; в своей профессиональной деятельности добиться успехов такого уровня и качества, чтобы твоё признание не только друзьями, сослуживцами, коллегами, учениками, но даже возможными завистниками и соперниками превратилось в прочное и заслуженное признание. Желательно, чтобы эти пять компонентов формировались и развивались не в отдельности друг от друга, а в синергетическом синтезе, в котором происходит не сложение, а умножение одного элемента на другой.

– На кого из Ваших учеников Вы возлагаете свои надежды в будущем? Молодые – какие они? Легко ли сегодня быть молодым?

– Когда у тебя появляется ученик, будь то учащийся, студент, аспирант, докторант или просто коллега, то ты всегда надеешься на его будущие успехи, правда, не всегда это случается. Из тех людей, которых называют моими учениками, я совершенно однозначно скажу, что мои надежды вполне оправдали доктора наук, профессора, члены-корреспонденты НАН Беларуси П. А. Водопьянов и А. Н. Данилов. Среди тех, кто помоложе, я очень надеюсь на Ю. М. Бубнова и Н. Н. Сухотского, уверен, что их ждут серьезные успехи в исследовательской и преподавательской работе в недалеком будущем. А среди тех, кто еще моложе и даже делает только первые шаги в науке, не перешагнув 25-летний возрастной порог, осмелюсь назвать могилевчанку Анастасию Николаеву.

Сегодня молодые преподаватели очень любознательны, критичны в оценках событий, явлений, они ироничны, решительны, целеустремленны, часто сталкиваются с непониманием своих старших коллег, а порой даже с недоверием с их стороны, что мешает им принимать и осуществлять нестандартные конструктивные решения. Поэтому быть молодым сегодня нелегко, но молодость все невзгоды преодолет, и, я убежден, она добудет себе и своему народу лучшее будущее.

– Евгений Михайлович, назовите пять причин, которые, на Ваш взгляд, дают право утверждать, что жизнь удалась.

– Те пять элементов счастья, которые я только что назвал и которые осуществились в моей жизни, можно, без сомнения, определить в качестве пяти причин подтверждений того, что жизнь удалась. Правда, к этому следовало бы еще добавить, что я прочитал множество художественной классической литературы (всех писателей не перечислить), посмотрел потрясающие спектакли в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Тбилиси, Варшаве, во всех городах Беларуси. Горжусь тем, что был знаком

со многими выдающимися учеными – академиками А. П. Александровым, В. А. Амбарцумяном, В. С. Келдышем, Б. М. Кедровым, Н. Н. Моисеевым, композиторами А. И. Хачатуряном, А. Н. Пахмутовой, И. М. Лученком, а также со знаменитыми актерами, спортсменами, политическими деятелями, много поучительного для себя вынес из бесед с ними.

– Какие основные уроки из Вашей жизни Вы хотели бы обозначить?

– Из моей достаточно продолжительной жизни можно обозначить несколько важных уроков. Первый из них – всегда, во всем и со всеми, начальниками, подчиненными, коллегами, студентами, случайными попутчиками, быть самим собой.

Второй – оставаться честным в оценке своих успехов и неудач, недостатков, в отношениях со всеми окружающими, даже в тех случаях, когда они тебе не нравятся или противоречат. Третий – в любой ситуации, радостной, тревожной, печальной, конфликтной, жить по совести, быть милосердным, помогать тем, кто нуждается в заботе и поддержке. Четвертый – через тернии возможных неудач и горестей проходить с оптимизмом, с надеждой на лучшее будущее. И наконец, пятый урок – всегда, даже в самых трудных условиях и ситуациях, быть достойным гражданином своего Отечества, и в труде, и во взаимодействиях с иностранцами, а если понадобится, то и в вооруженной защите родной страны.